

НОВОСИБИРСКИЙ — ИЛИМСКИЙ — ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ

Как известно, даже одно событие или встреча могут серьезно повлиять на цепь всех последующих событий. В студенческие годы они способны заставить сменить ориентиры и, нарушив привычный порядок вещей, резко изменить течение жизни и направить ее в новое русло. Для Александра Соловьева, студента гумфака НГУ, такой точкой поворота стала его первая археологическая экспедиция под руководством «шефа» Вячеслава Молодина

Первый раскоп: еще не ясно, где находился сам Илимский острог. Усть-Илим, 1974 г.

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Участвовал в археологических работах в Горном Алтае, Обь-Иртышской лесостепи, Приобье, Приангарье. Автор и соавтор более 120 научных статей и 8 монографий

Ключевые слова: экспедиция, раскопки, лагерь, Илимский острог, начальник отряда, команда.

Key words: expedition, field works, camp, Ilim fortress, head of the team, company

© А. И. Соловьев, 2018

Май 1974 г. Прошла, пестря флажками и бантами под шелест знамен в тени портретов членов Политбюро, праздничная демонстрация. Затишли звуки торжественных маршей и броских лозунгов о светлом будущем спаянного международной солидарностью рабочего класса. У стен главного корпуса НГУ отшумела традиционная маевка. Сгорели в жарком костре куклы Мирового империализма и душителя свободы Аугусто Пиночета, произнесли свои пламенные и зажигательные речи очаровательные дочери Луиса Корвалана. Студенты, солидарные с народом Чили и другими угнетенными популяциями мира, спели песни Серхио Ортега и проскандировали почти рэповские речевки: «Все на своем пути сметая, придет в Палестину 9 Мая!», «Ударим БАМом по империализму!». Отдали долг и Великому Кормчему с его культурной революцией.

Десятое общежитие живет своей жизнью. Из блоков ползут дразнящие аппетит ароматы, а из-за закрытых дверей вместе с песнями Пахмутовой и ливерпульской четверки доносятся жестковатые по тем временам сочинения Градского и гэдэровского «Пудиса». А несколько признанных аудиогуров иногда добавляют к ним тяжелые гитарные рифы будущих монстров рока *Deep Purple*, хоралы *Uriah Heep* или сумрачный баритон Джима Моррисона из *The Doors*.

Пятикурсники слоняются по общежитию, обсуждая перспективы будущего распределения, или носятся по окрестностям в поисках выгодных вариантов (желающих преподавать в сельской школе почему-то немного). За ними внимательно наблюдают четверокурсники и самые продвинутые представители третьего курса.

Они впитывают информацию, примеряя на себя наиболее предпочтительные варианты, которые позволяют ускользнуть или, по крайней мере, ослабить крепость объятий народного образования. В этом жизненно определяющем деле лучше всего чувствуют себя те, кто специализируется по истории партии – в них могут нуждаться местные, районные, заводские и прочие рабочие комитеты. Вся остальная студенческая масса пока только учится...

В учебных корпусах отзвучали последние лекции. В аудиториях непривычная тишина. Луч солнца падает на белый листок приказа, гласящего, что для прохождения археологической практики студенческие группы прикрепят к отрядам Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР: м. н. с. В. В. Бурилова, ст. лаб. Д. Ю. Березина и м. н. с. В. И. Молодина.

Две первых фамилии в среде гумфака были на слуху: с этими выпускниками НГУ студенты уже неоднократно ездили в поле. Валерий Васильевич Бурилов, крепкий и широкоплечий, был завзятым полевиком, с натурой широкой и вольной, как река Ангара, где работал его отряд. Дмитрий Березин – парень интеллигентного облика, был потомком известной морской династии и обладал легким характером, стальными мускулами и добрым чувством юмора. А вот третий «начальник» был студентам незнаком.

Наш строгий декан отправил меня в «вольное плавание», дав совет самому определиться, куда и с кем ехать. И здесь уже особых колебаний не было. Ну конечно же, Илимский острог – тот самый, где пребывал в ссылке А. Н. Радищев, «бунтовщик, хуже Пугачева». Да и сам острог – небольшая приграничная сторожевая крепость – мог оказаться сродни форпостам Древней Руси, что было бы весьма интересно. В библиотеке отыскалось несколько старых фотографий высоких квадратных бревенчатых башен под четырехскатными крышами с двуглавыми орлами, арками проездных ворот и частями покосившегося чостокола. К тому моменту, когда я узнал, что Вячеслав Молодин – талантливый, целеустремленный выпускник педагогического института, только что с блеском закончил аспирантуру и осенью выходит на защиту, я уже твердо знал, кто будет моим начальником в экспедиции. На мое счастье, все доброе, что я услышал о нем, полностью подтвердилось в дальнейшем.

Надо сказать, в те времена я не особенно представлял свою будущую специализацию, но менее всего для меня она высвечивалась в русле археологии: детское увлечение древностями осталось где-то далеко, в тех самых городах, куда, как известно, и «уходит детство».

Впереди – Илим

Настало лето, и вот она, моя первая археологическая экспедиция. Позади «живое» знакомство с начальником, инструктаж, перелет в Красноярск и далее, в Железногорск. Ночевка на куче вещей в центре небольшого здания местного аэровокзальчика, долгое, в течение суток ожидание автотранспорта, который должен был забросить нас к месту работ, длинная и утомительная поездка на автобусе ЛАЗ. Несмотря на открытые люки, дружный и очень хороший хор девушек, жара в салоне и резкие толчки на ухабах сводили на нет все прелести открывавшегося пейзажа.

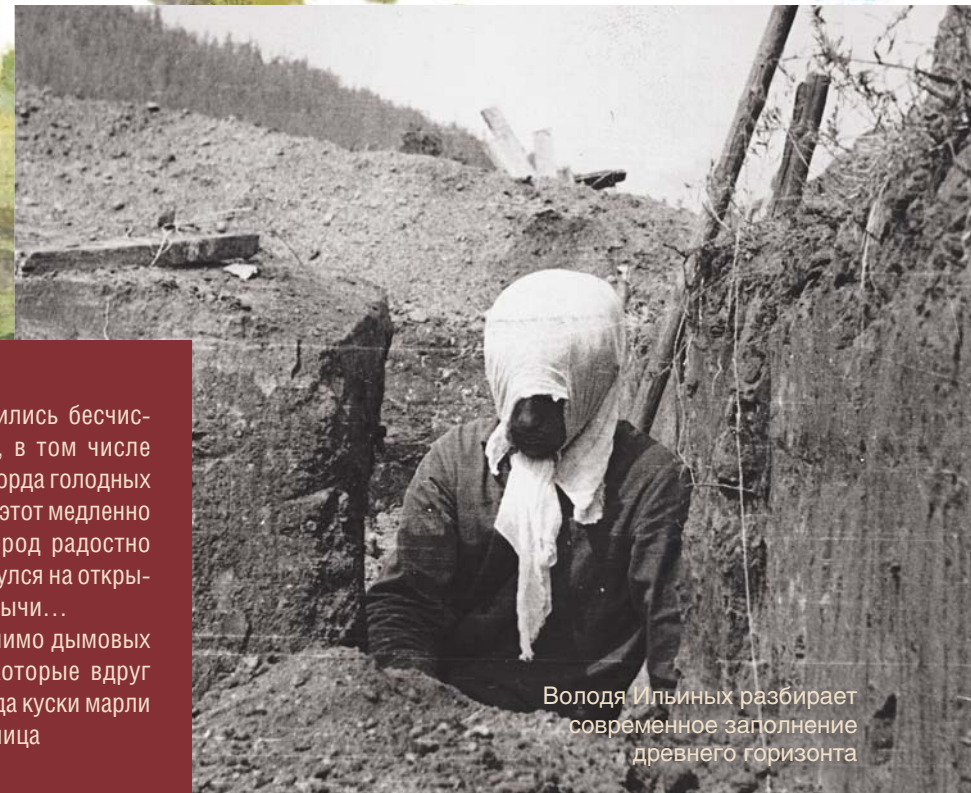
Но вот, когда мы уже привыкли к почти что морской болтанке, автобус довольно резко остановился. И когда осела волна дорожной пыли, стало ясно, что путешествию пришел конец. Быстро и бестолково выбрасываем свои тощие рюкзаки, пару коробок тушенки, ящик со специями, пищевыми концентратами и продуктами на первый случай, а также экспедиционное барахло: выдавшие виды палатки и спальники, потрепанные брезенты, лопаты, по большей части без черенков, выючный ящик с канцелярией и мелким шанцевым инструментом, пару неизвестно чем заполненных баулов и сверток бурой крафтовой бумаги. Автобус, утробно рыкнув и выбросив сизое облачко дыма, бодро укатил прочь.

Непривычная тишина, нарушаемая лишь шорохом легкого ветра да стрекотом насекомых, опустилась на маленький отряд. Мы стояли на обочине пыльной

грунтовой дороги, тянувшейся по обширной долине вдоль гор, покрытых хвойным лесом. С той стороны, откуда мы приехали, смутно виднелись перила какого-то древнего бревенчатого моста, а в другом направлении проселок, взбегая на пологий склон, терялся на взлобке дальней вершины. С правой стороны от дороги поднимался горный склон, а слева виднелось обширное, поросшее травой поле, которое вдали замыкалось еще одной цепочкой пологих гор.

Ограниченность пространства, пределы которого были гораздо ближе привычной для жителя равнин линии горизонта, вызывала странное ощущение. Казалось, мы стремительно, словно в ловчую яму, провалились в иной, крохотный и замкнутый мир, очень далекий от того, что ушел от нас вместе с автобусом, запахом бензина и машинного масла.

В дебрях растительности размножились бесчисленные поколения членистоногих, в том числе и «волки» насекомого мира – густая орда голодных кровопийц. И когда пробил час, весь этот медленно чахнувший без пищи крылатый сброд радостно взмыл вверх и в безумной давке ринулся на открытые участки тел своей законной добычи... Спасаться от мошки и комаров, помимо дымовых костров, помогали черные очки, которые вдруг приобрели заметную популярность, да куски марли и головные платки, надвинутые на лица

Володя Ипных разбирает современное заполнение древнего горизонта

Наш лагерь – вид со стороны дороги. Усть-Илим, 1974 г.

Никаких башен вокруг не было видно. Только буйство бурьяна, лебеды, пушицы и полныи вперемежку с островами конопли и крапивы. Между тем пора было искать место для лагеря. Повинуясь команде, мы врезались в царство флоры. Не прошло и пары минут, как все скрылись в вихре пыльцы и разнокалиберных и ужасно кусачих насекомых, которые с яростью саблезубого тигра вцепились в нежданных «гостей». Добравшись до островков конопли и крапивы, мы обнаружили, что их плотные стебли окружают обугленные руины разрушенных строений. Пожар уничтожил кровли и стены, оставив лишь металлическое и трудновоспламеняемое барахло, которое не стали спасать хозяева: спутанная проволока, дырявые и мятые ведра, расколотые чугунные плиты, сковородки, ухваты и много еще чего из остатков скарба сельского жителя.

Здесь когда-то стоял поселок, жители которого были переселены из зоны затопления будущей Усть-Илимской ГЭС, а жилые и хозяйственные строения, как это не раз случалось в лихие исторические годы, были «преданы огню». Всю его территорию

вместе с руинами тут же освоила прыткая растительность, жадно пускающая корни на любом свободном клочке земли.

Но вот трава расступилась, и показалась небольшая прогалина, за ней угадывался обрыв, под которым искрилась река. Свежий ветерок, потянувший снизу, понемногу сдувал крылатую голодную рать. Старшие товарищи быстро соорудили костер, бросили в него травы, и спасительный густой горький белый дым растекся над пространством. Практикантов отправили собирать горючий материал, а сами «старики» вместе с начальником стали разбивать лагерь, искать удобный спуск к реке, организовывать на берегу место для кухонного костра и «пищблока». Найденные скамейка да пара досок, уложенных поверх чурок, стали на все последующее время нашим столовым гарнитуром.

В маленькой двухместной палатке были устроены хозблок и камералка. В трех шестиместных разместились: девическая и мужская половина студентов НГУ, а также старшие коллеги и наставники, студенты Новосибирского пединститута, которые уже не раз бывали

в экспедиции вместе с руководителем. Нам предложили бросить поверх травы на дне палаток какие-нибудь доски, чтобы не спать на голой земле и чтобы не отсыревали спальные мешки, собрать которых могли служить еще казакам В. К. Арсеньева во время их странствий по дебрям Уссурийской тайги. Девушкам, разумеется, жилые апартаменты были предоставлены уже в готовом виде.

Друзья-товарищи

Женская часть нашего отряда состояла из Натальи Полосьмак, Марины Кузнецовой, которую с легкой руки начальника стали называть Мусей; Ольги Старцевой, Любы Фадеевой, Галины Тумуровой, Ларисы Гласковой и Али Медведевой. Аля вскоре вызвалась постоянно дежурить

Члены Илимского экспедиционного отряда, студенты НГУ: *первый ряд* – Лариса Гласкова, Наталья Полосьмак, Марина Кузнецова, Люба Фадеева, Аля Медведева; *второй ряд* – Володя Догаев, Володя Ильиных, Саша Соловьев, Володя Голобоких, Ольга Старцева и Галина Тумурова

Сильная половина практикантов из НГУ: Владимир Ильиных, Владимир Догаев, Владимир Голобоких, Александр Соловьев, Виктор Добжанский. Усть-Илим, 1974 г.

на кухне, избавив подруг от не самой светлой сферы полевой практики, а всех членов отряда от пищевых экспериментов неопытных коллег.

Обитателями нашей студенческой палатки стали пятеро. Владимир Догаев, бывший пограничник с несколькими вальяжными манерами и хорошо поставленным голосом (впоследствии он стал заметным в Новосибирске театральным деятелем), работал без особого огонька, но в критической ситуации проявлял себя с самой лучшей стороны. Владимир Голобоких (тогда «элитный» житель Академгородка, а ныне гражданин США) незадолго до этого перевелся на гуманитарный факультет с экономического. Доказывая преимущество политэкономии над заурядной историей, а тем более археологией, он иногда извлекал из недр сумки толстенный том «Капитала» Маркса. Полной ему противоположностью был Владимир Ильиных (ныне доктор исторических наук), родом из Краснозерского района, кипучая энергия которого постоянно требовала выхода.

И, наконец, Виктор Добжанский, будущий профессор Кемеровского госуниверситета, который был

фактически ровесником нашему начальнику и грезил русской и славянской археологией. Несмотря на внешнюю суровость, он оказался удивительно светлым, добрым и отзывчивым человеком.

«Старики» – студенты истфака пединститута – были фактически первым составом Новосибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции, временно переименованного в связи с работами в зоне затопления в Илимский. Александр Арапов, очень хозяйственный и мастеровитый, среди друзей был известен как Шура Таежник. Александр Липатов, от которого исходило ощущение доброты, надежности и силы и который вполне мог найти свое место в кино, в каком-нибудь сериале из истории Древнего Рима или Древней Руси. Прекрасный музыкант, он на своем неизменном баяне сходу мог подобрать аккомпанемент к любой песне, так тепло и душевно звучащей у костра. Виктор Корякин, крепкий и очень лиричный, был из тех людей, которых любят дети и животные. Очень приятный в общении студент Сергей Тихонов, отвечавший за снабжение нашего отряда, показал себя прекрасным дипломатом.

К «старичкам» относилась и Надюша Нечипуренко (Липатова) – тонкая, стройная девушка с мягкими чертами лица и тугим узлом волос на затылке. Очень доброжелательная, с легким характером и всегда готовая рассмеяться, она могла при случае твердо настоять

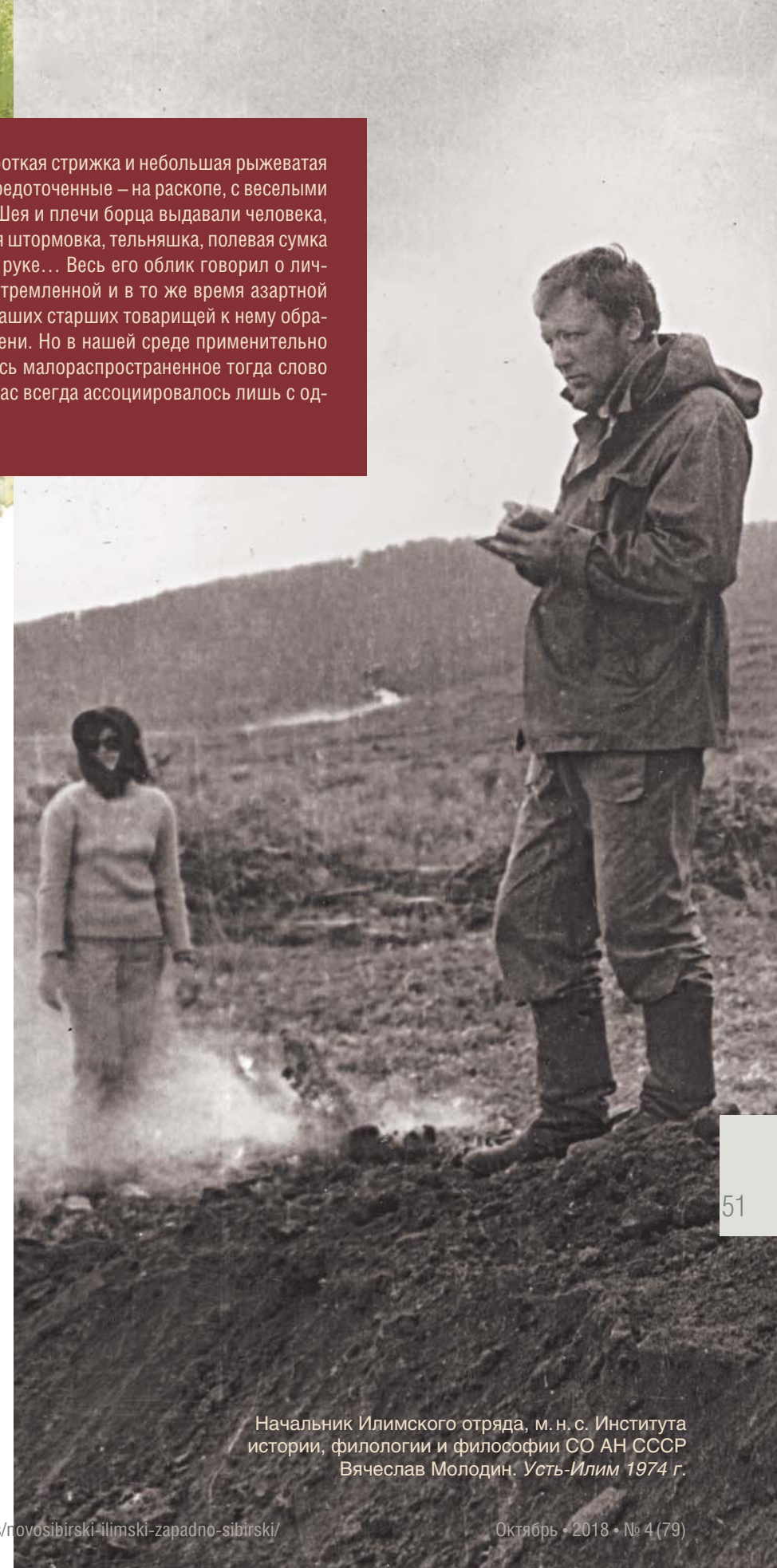
Начальник – Вячеслав Молодин. Короткая стрижка и небольшая рыжеватая борода, серые глаза, строгие и сосредоточенные – на раскопе, с веселыми и озорными искорками – в лагере. Шея и плечи борца выдавали человека, отдавшего свой долг спорту. Зеленая штормовка, тельняшка, полевая сумка через плечо, дневник и карандаш в руке... Весь его облик говорил о личности, безусловно, волевой, целеустремленной и в то же время азартной и увлекающейся. В кругу друзей и наших старших товарищей к нему обращались по-дружески, просто по имени. Но в нашей среде применительно к начальнику как-то сразу прижилось малораспространенное тогда слово «шеф», которое с тех самых пор у нас всегда ассоциировалось лишь с одним-единственным человеком

на своем. Закончив институт с красным дипломом, она посвятила себя преподаванию в школе, и еще не раз в будущем ее ученики приезжали к нам в экспедицию. Надя прекрасно пела и была одним из авторов ставшей популярной среди археологов песни «Шумят березы тихо над раскопами». Вечерами у костра мы часто слышали замечательное трио Нади, нашего начальника и Александра в сопровождении бессменного баяна.

Магия «поля»

Во время краткого инструктажа мы узнали, что единственная сохранившаяся Спасская башня острога в прошлом году была разобрана и увезена, поэтому точной привязки к искомому объекту пока нет. Затем мы получили шанцевый инструмент, к заметной части которого были только что приделаны разнокалиберные рукоятки, и, дабы не терять зря время, были направлены на место будущих раскопок, где уже начинались работы.

Отыскать раскоп оказалось несложно. На него указывало медленно плывшее над травой белое облако дыма, испускаемое кострами по периметру вскрываемой площади. Внутри двигались фигуры с лопатами, медленно, сантиметр за сантиметром, срезая тонкие пласты грунта, которые после просмотра удалялись. До сих пор попадалась

Начальник Илимского отряда, м. н. с. Института истории, филологии и философии СО АН СССР Вячеслав Молодин. Усть-Илим 1974 г.

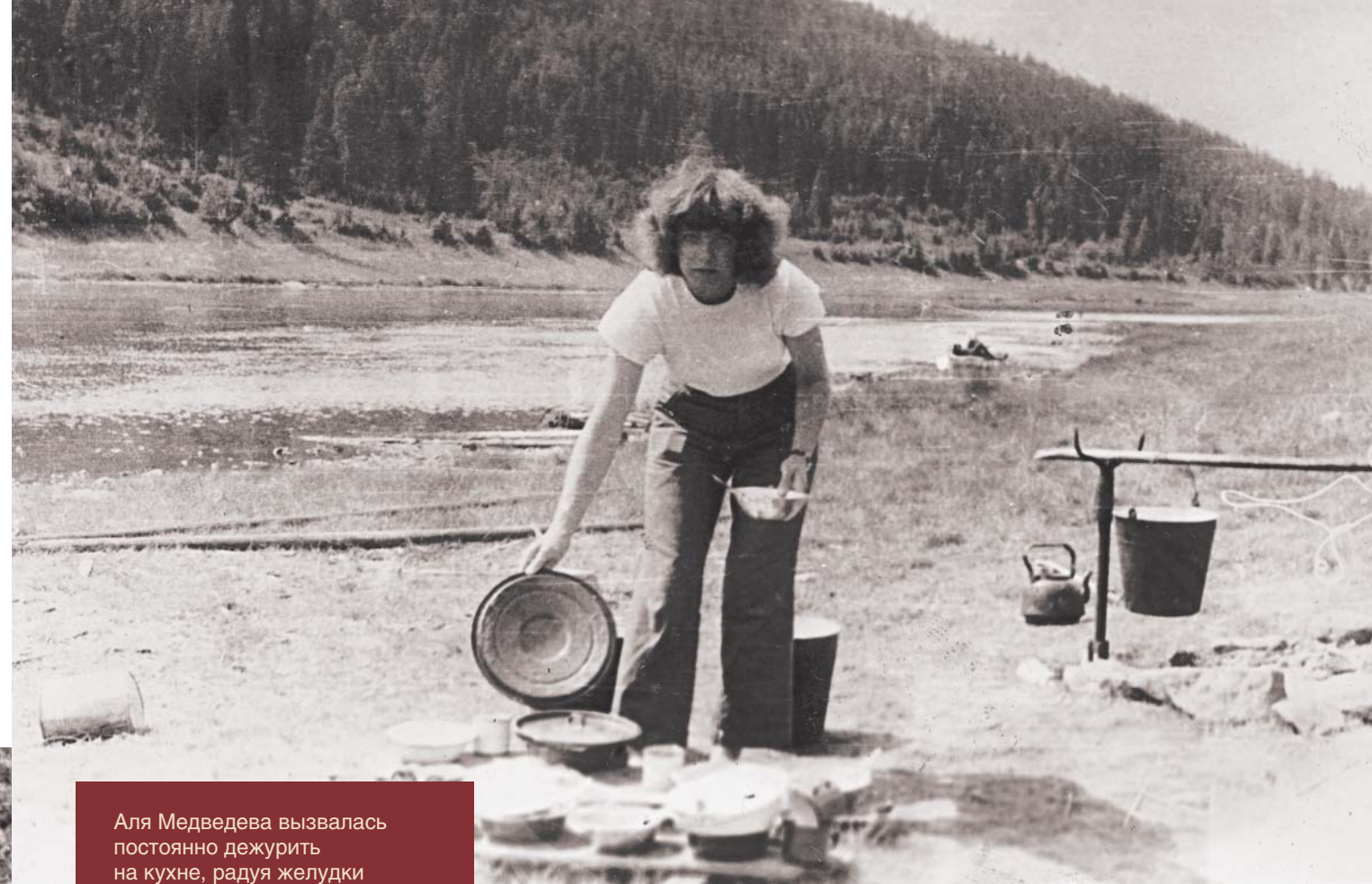
Светловолосая Марина Кузнецова, которую вскоре с легкой руки начальника стали называть Мусей, и ее подруга Наталья Полосьмак в полном защитном облачении.
Справа: подарок Шефу – букет цветов

всякая мелочь: гвозди, фрагменты битой посуды, осколки чугушков... Правда, среди находок была и пара монет с двуглавыми орлами, что возбуждало любопытство.

На раскопе с двумя деревянными портновскими линейками и строительным уровнем появилась Надя, которой ассистировал Володя Ильиных. По одной линейке выставляли уровень, а другой измеряли расстояние от ее конца до находки. Надя громко озвучивала непонятную тогда для нас цифирь в сопровождении таких же непонятных комментариев. Они же натягивали рулетки к находкам от стенок раскопа или крестообразной стенки, отсекавшей на квадраты вскрываемую площадку, и тоже при этом называли цифири. Шеф, стоявший на краю раскопа, все эти данные записывал и что-то рисовал на большом куске миллиметровки.

Между тем стали неотвратно проявляться последствия гудящей атаки, которую по дороге к раскопу вновь обрушили на нас крылатые аборигены. Глаза начали превращаться в узкие щели, лица полнеть от впрыснутого яда, приобретая явные монголоидные

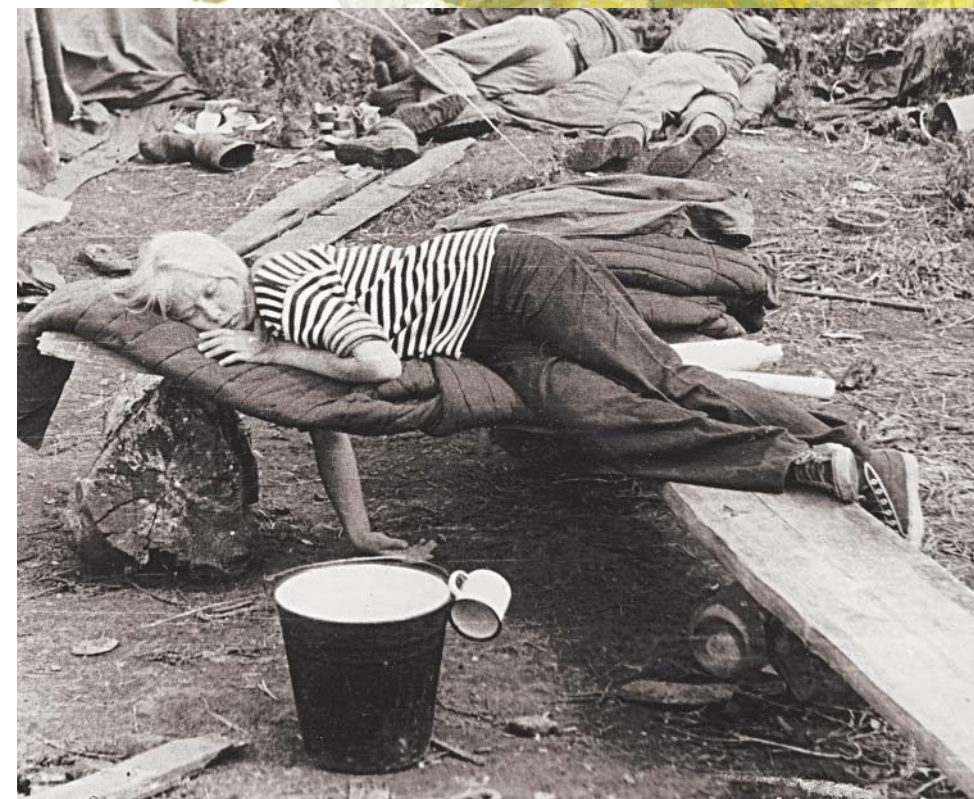

Аля Медведева вызвалась постоянно дежурить на кухне, радуя желудки экспедиционников.
Усть-Илим, 1974 г.

Летний зной гнал из палаток, в полдень сон опускался на лагерь

черты. Положение дел исправили пляжные очки, да куски марли и головные платки, надвинутые на лица. Впрочем, понемногу мы перестали обращать внимание на мошку и комаров, а вскоре и совсем забыли об их существовании.

Когда все манипуляции с измерительными инструментами были окончены, Шеф распорядился вынести кусок разбитой плиты, лежавшей в раскопе. Мы потянули за край, перевернули ее, и... На гладкой поверхности показалась забитая землей славянская вязь «Лета... года скончался сын подканцеляриста Никифора...», которая обрывалась изломом. Ниже были заметны фрагменты еще нескольких слов, одно из которых можно было истолковать как «погребен».

Шеф объяснил, что мы нашли надмогильную плиту и вышли на участок острога, который, как оказалось, прилегал к часовне XVII в. Но ни часовни, ни погоста на схематичном плане, скопированном из чертежных книг того времени, обозначено не было. Определить расположение воеводского дома, найти который было одной из целей нашей экспедиции, все еще было невозможно. Азарт поиска быстро нарастал...

Потом были разбиты еще раскопы, в которых найдены дом с подклетью, остатки часовни, участки кладбища. Под проселочной дорогой была обнаружена солидная труба из лиственничных бревен, закрепленных вокруг квадратных рам, с забутованными глиной и щебнем щелями. Но все эти находки по-прежнему не давали возможности сделать привязку к схематичному плану: неуловимый острог и воеводский дом продолжали ускользать от археологов...

Наконец, после унылого и затяжного дождя мы с Виктором Добжанским набрали на участок осевшего берегового обрыва, из которого торчало несколько крупных бревен. Так была обнаружена часть внешней стены, за которой скрывался фундамент башни. Далее были раскопки, разбор стянутых прочной мерзлотой слоев щепы, строительного мусора и перегноя, который

Вот они – стены Илимского острога, за ними – фундамент башни

оттаивал зелеными лужицами, освежая атмосферу крепким запахом скотного двора.

Затем была найдена еще одна труба, меньшего диаметра, устье которой вышло в бревенчатый отсек между башней и стеной. Была «умелая» работа Саши Арапова, в результате которой из недр трубы излился могучий поток желто-зеленой влаги, накопленной за столетия в подземных резервуарах и быстро заполнившей расчищенный отсек. Было и полное риска подземное «путешествие» нашего Шефа по жерлу большой трубы. Не каждый бы рискнул на это далеко не простое и безопасное мероприятие – нас мороз продрал по коже, когда из темных глубин ее утробы донесся его голос, далекий и потусторонний.

Были и походы на скалу Радищева. И, конечно же, увлекательные беседы и душевные песни у костра под темным, бездонным илимским небом, с искрами, взлетающими к россыпи звезд... И добрые отношения между людьми, которых так не хватало в том далеком городском мире.

Эта магия поиска, радость открытий, а главное, дружба и тепло человеческого общения, которые разливались в отряде, ставшем в то время для меня почти что второй семьей, и стали главной причиной, что привела меня в конце концов в археологию. Положа руку на сердце, могу сказать, что именно эта удивительная и неповторимая атмосфера отряда влекла меня несравненно больше и была намного важнее, чем какие-то личные научные достижения.

Дух Илимского отряда

А дальше были раскопки средневековых памятников и поселений эпохи бронзы в Коченевском районе Новосибирской области, тагарских курганов в Хакасии, стоянок каменного века в Кузбассе, палеолитических памятников афанасьевских некрополей на Алтае, ставшей впоследствии такой знаменитой Денисовой пещеры в долине Ануя... А также средневековых погребений и поселений в Обь-Иртышье и на Ангаре, в Барабинской лесостепи и Приобье, «мерзлотных» курганов пазырыкской культуры, о которых мне в детстве рассказывала мама, на плато Укок и городских центров в Японии... Новосибирский археологический отряд незаметно стал Западно-Сибирским. Ушел в свой поход по жизни его первый состав, команда менялась, но в ней по-прежнему витал дух удивительного времени того самого, незабвенного Илимского отряда.

На следующий полевой сезон для продолжения работ на Илеме наш Шеф получил машину, а вместе с ней приобрел замечательного водителя и своего, наверное, самого большого и верного друга Олега Сентябова, который с тех самых пор стал бессменным спутником во всех его экспедиционных странствиях и, вместе с Шефом, своего рода лицом Западно-Сибирского отряда. Вместе со «стариками» поехали на Илим и студенты нашей маленькой университетской команды: Виктор Добжанский и Наталья Полосьмак, будущий член-корр., которая поделила с нашим Шефом весь его дальнейший жизненный путь. Тогда же в состав отряда влилась студентка пединститута Людмила Лаптева (с 1977 г. – Мыльникова). Именно они на многие последующие годы стали основой отряда, а д. и. н. Л. Н. Мыльникова и сейчас – «правая рука» академика Молодина в его экспедиционных исследованиях.

С высоты минувших лет становится ясно, что жизненным стержнем, вокруг которого объединялись люди и благодаря которому до сих пор существует Западно-Сибирский отряд, был наш Шеф – Вячеслав Иванович Молодин, деливший с нами все радости и тяготы экспедиционной жизни. Именно с ним, в бытность его аспирантом, ездили до конца учебы в вузе ребята первого состава. Именно он незаметно заложил тот дух коллективизма, равенства и взаимовыручки, который мы захватили на нашей илимской практике и который живой нитью протянулся через все десятилетия экспедиционной жизни отряда.

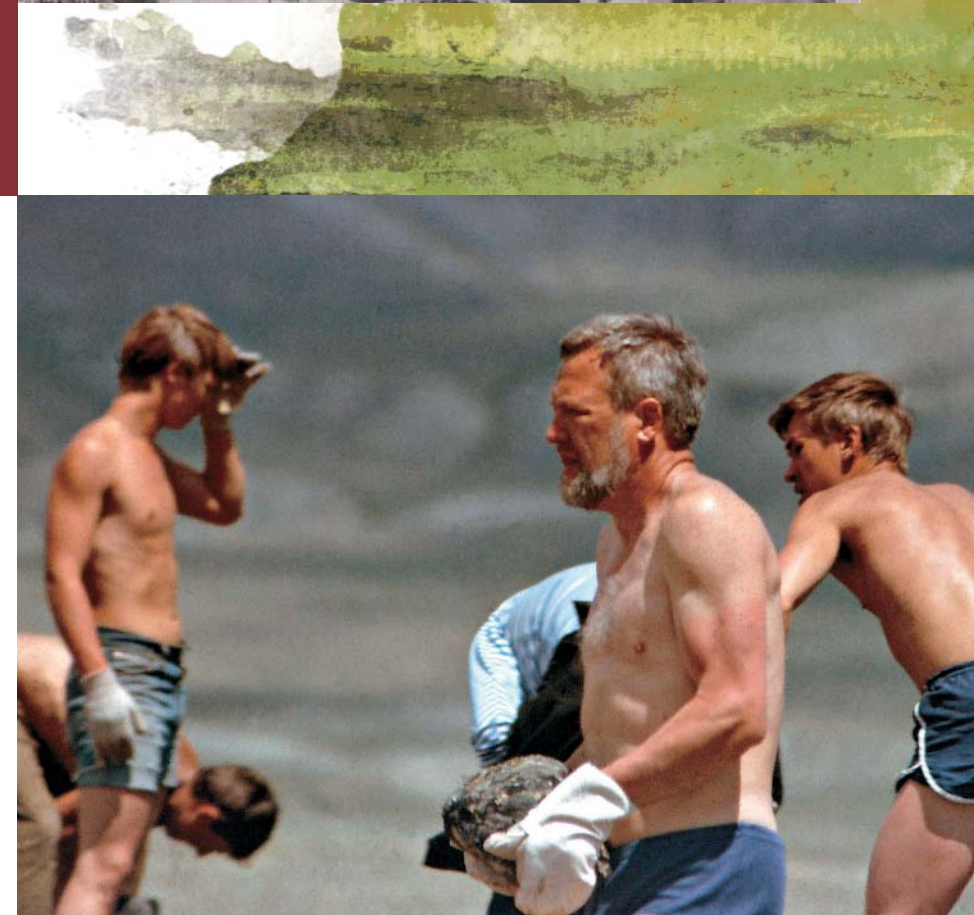

Одной из ярких черт нашего начальника была широта интересов. Соответственно деятельность его отряда была связана с научным поиском в самых разных областях, буквально от палеолита до этнографии

Слева вверху: завершение сезона на памятнике Сопка-2.
Слева направо: Галина Галямина, Владимир Чибиряк, Елена Шумакова, Марина Чемякина, Дмитрий Березин, Ольга Новикова, В. И. Молодин, Олег Сентябов, лайка Илим, спаниель Пит. Венгеровский район, Новосибирская область, 1985 г.

Вверху: В. И. Молодин и В. В. Бобров обсуждают проблемы стратиграфии на палеолитической стоянке Шестаково. Кемеровская область, 1977 г.

Справа: на раскопках погребений пазырыкской культуры. Плато Укок, Горный Алтай, 1993 г.

Одной из ярких черт нашего начальника была широта интересов. Соответственно деятельность его отряда была связана с научным поиском в самых разных областях, буквально от палеолита до этнографии. Еще на Илиме, бродя среди развалин заброшенного поселка, мы собирали этнографический материал русского населения Приангарья, относившийся к быту конца XIX – начала XX в. Именно отсюда Шеф привез в музей института великолепную деревянную скульптуру Иисуса Христа.*

Везде, где разбивал свой лагерь отряд В. И. Молодина, он проводил мониторинг окрестностей и всех известных археологических памятников, поиск, а по возможности и исследование новых объектов исторического наследия. При этом Шеф никогда не учил нас специально, не читал нам тематических лекций (на моей памяти такое было всего пару раз), но всегда терпеливо и подробно отвечал на все вопросы, невзирая на степень их дилетантизма. Он сразу же доверял нам самостоятельную работу на объектах. И надо сказать, что сам В. И. никогда не пренебрегал голосами «снизу»: он всегда

выслушивал мнение «народа» и пробовал найти в нем зерно истины и рационализма.

Мы учились в общении с ним, впитывая информацию, которая затем всплывала при решении загадок, часто преподносившихся раскопками, при обсуждении стратегии и методики исследования, анализе полученного материала, при встречах и беседах с известными специалистами самого высокого научного уровня, с которыми сводила нашего начальника экспедиционная жизнь и исследовательская деятельность, от академика А. П. Деревянко и других выдающихся российских исследователей и заканчивая учеными Японии, Кореи, США и Германии.

Наш начальник всегда был очень увлеченным человеком. Археология как наука, неотъемлемой частью которой являются экспедиции, стала, без обиняков, его настоящей жизнью. И во времена нашего студенчества, и многие годы спустя мы не возвращались из поля раньше начала ноября. Если уже было затруднительно копать, занимались разведкой, благо трава в это время жухла и ложилась, и все затянутые ею памятники ре-

* Подробности этой удивительной находки ищите в книге В. И. Молодина «Меч Каролингов» (Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2006)

Один из самых интересных памятников эпохи позднего средневековья – Кыштовка-2. У «окна в прошлое»: Виктор Добжанский, Виктор Корякин, Наталья Полосьмак, В. И. Молодин. Новосибирская область, 1976 г.

Дорога, которая шла через острог, мало изменилась за последние века. После дождя она была доступна лишь конному да пешему. На фото: Марина Кузнецова, В. И. Молодин, Виктор Корякин. Справа внизу: одна из последних находок. Бараба, Венгеровский р-н, 2018 г.

льефно выступали над поверхностью земли. В ту пору Шеф умел создать такой душевный подъем и творческий порыв, что объем проводимых работ и сейчас вызывает у меня удивление. В такие моменты даже водители, у которых и своих забот было полно, вместе с археологами хватались за лопату.

За минувшие десятилетия сменилось несколько поколений членов нашего экспедиционного отряда. Через его ряды прошла не только целая плеяда специалистов, но и люди, чья жизнь не была связана с наукой, но которые в течение нескольких лет посвящали не один свой день непростым экспедиционным будням. И все, кто побывал у В. И. в поле (это подтверждается личными впечатлениями от встреч, уже спустя годы), сохранили в душе добрую память и заряд творческой, живой энергии вместе с частичкой тепла от огня, зажженного в те далекие времена аспирантом Вячеславом Молодиным. Огня, который горит до сих пор.

Литература
 Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 192 с.
 Молодин В.И., Савинов Д.Г. Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
 Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск: ИНФОЛИО-Пресс, 2000. 189 с.

В публикации использованы фото из архива автора и рисунки Лены Шумаковой